

Все закончилось в субботу, 22 июня

Открывшийся в субботу, 22 июня, Пленум ЦК подвел итог четырехдневным баталиям. Из 130 членов ЦК присутствовало 121, из 117 кандидатов – 94 и из 62 членов Ревизионной комиссии – 51. Вполне достаточно для принятия любого решения.

В момент открытия произошла курьезная сцена, если ее можно назвать курьезной. После формальностей открытия первого заседания председательствовавший Хрущев перешел к рассмотрению повестки дня и следующее заседание назначил на понедельник 24 июня на 10 часов утра. Тут Молотов заволновался, начал допытываться, зачем устраивать однодневный перерыв между заседаниями? Беспокоился он не без причины. В недавнем прошлом они со Сталиным использовали такие безобидные с виду антракты для ареста неугодных. На следующем заседании Пленума ЦК или сессии Верховного Совета те просто не появлялись. Никто тогда не интересовался почему. Отец понял опасения Молотова, но вида не подал. Предложил Молотову, если тот не согласен, внести альтернативное предложение, он его проголосует. Молотов стушевался, пробормотал, что не возражает.

Вопреки вчерашнему обещанию отца все лично рассказать Пленуму, докладывал Суслов. Так они решили вчера вечером в ЦК. С нелегкой руки Суслова «молотовцев» стали официально именовать антипартийной группой. Текст выступления Суслов подготовил всего на нескольких страничках, но на трибуне простоял долго. Из зала задавали вопросы, сыпались реплики. Затем говорили Жуков и министр внутренних дел Дудоров. Следом с покаянием выступил Маленков, он от всего отрекся и одновременно выражал готовность «нести за все ответственность», но вины за собой не признавал. За ним взахлеб каялся Каганович.

В шесть часов вечера, как и предусматривалось регламентом, Пленум свою работу приостановил до понедельника.

Заранее запланированное на воскресенье, 23 июня, празднование 250-летия Ленинграда прошло более чем скромно, а для непосвященных – непонятно. В Ленинграде отсутствовал даже собственный секретарь обкома Козлов, всеми делами заправлял, докладывал,

возлагал венки председатель облисполкома Смирнов. Москву представлял Андрей Андреевич Андреев, старый член партии и Политбюро, к тому времени уже давно сошедший с политической сцены.

В понедельник, 24 июня, на утреннем заседании Пленума первым на трибуну вызвали Булганина. Он выглядел непрезентабельно, явно растерялся, говорил сумбурно. Следом за ним «признавали ошибки» Сабуров с Первухиным, просили учесть их «молодость» и искренность раскаяния. Затем с изложением своей позиции выступил Молотов. В отличие от «единомышленников», он остался тверд. Отец впоследствии не раз с уважением говорил об этом. После Молотова очень путано говорил Шепилов. Казалось, он не осознал до конца, что проиграл теперь уже окончательно и на всю оставшуюся жизнь. Ему все казалось, что произойдет чудо, ему поверят, простят. Не поверили и не простили.

Члены ЦК выступали крайне резко. Каждый стремился вылить свой ушат грязи на головы оппозиционеров. Заседания продолжились целую неделю, до 29 июня. Из двухсот пятинадцати записавшихся выступили шестьдесят, на этом прения прекратили. Еще сто шестьдесят четыре участника Пленума, понимая, что до трибуны им не добраться, прислали письменные заявления.

Сейчас все выступления опубликованы, и нет никакого смысла их пересказывать, желающие могут ознакомиться с ними сами.

А вот как запомнился Пленум его основным «игрокам» – членам и кандидатам в члены Президиума ЦК.

Начну с Жукова: «Н. С. Хрущев, получив крепкую поддержку и заверения от некоторых прибывших в Москву членов ЦК о желании серьезно расправиться с группой Молотова-Маленкова, вновь почувствовал прилив энергии и стал прежним Хрущевым-оптимистом. И он не ошибся. Пленум единодушно его поддержал.

Состоявшийся июньский Пленум ЦК резко обвинил группу Маленкова – Молотова в антипартийных действиях. Надо сказать, что если на Президиуме ЦК шла речь только вокруг деятельности Хрущева, с тем чтобы снять его с поста Первого секретаря ЦК, то на Пленуме вопросы были значительно расширены, и группе Маленкова – Молотова были предъявлены тяжелые обвинения по ряду принципиальных вопросов, в том числе документальное обвинение Молотову, Кагановичу, Ворошилову в истреблении, вместе со Сталиным, многих и многих честных партийных, военных и советских деятелей.

Как же вела себя группа противников Хрущева?

С первых же часов заседания Пленума ЦК в антипартийной группе начался разброд и шатания.

Первухин, Сабуров и Шепилов начали каяться в своих заблуждениях и просили учесть их раскаяние. Булганин растерялся, петлял, как трусливый заяц, плел всякие невразумительные оправдания. Выглядел он крайне неавторитетно. Молотов и Маленков с начала и до конца держали себя твердо и отстаивали свои убеждения. Каганович, как всегда, был очень многословен, но его многословие плохо воспринималось членами ЦК КПСС. Ворошилов вначале пытался солидаризироваться с Молотовым, а затем растерялся, стал оправдываться тем, что он не понял истинных целей и намерений группы Маленкова – Молотова. В этом сказался весь Ворошилов, каким он был при Сталине.

После Пленума ЦК был избран новый состав Президиума ЦК КПСС. Я был избран членом Президиума ЦК. Работа постепенно вошла в нормальную колею».

Напомню, что написан текст в 1963–1964 годах, когда Хрущев еще находился у власти.

Теперь я процитирую воспоминания Кагановича, обнародованные спустя много лет после смерти отца. Ему Пленум, естественно, представляется иначе: «По-фракционному, за спиной Президиума ЦК организовавший это собрание, сбросивший свою маску смущения, ободренный Хрущев рядом с Жуковым и Серовым шествовал в Свердловский зал. Доклада о

заседании Президиума ЦК и обсуждавшихся им вопросах фактически не сделали, зато нанимали целый комплекс политических обвинений в адрес выдуманной антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним кандидата в Президиум Шепилова.

Итог известен: приняли предложенный проект постановления, опубликованный в “Правде”, “Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.”. Могут сказать: ловок все-таки Хрущев. Да, но ловкость эта – троцкистская».

Но это все потом, тогда же Каганович не находил себе места, гадал, что его ожидает. Основываясь на своем богатом опыте в подобного рода делах, он предполагал самое худшее.

Еще один мемуарист – Мухитдинов в воспоминаниях, датированных 1995 годом, путается в последовательности выступавших, что простительно, столько лет прошло, но он твердо запомнил, кто и что говорил.

«Утром открылся Пленум, – пишет он, – Хрущев (на самом деле Суслов. – С. Х.) сделал доклад о положении в партии и подробно рассказал о трехдневном заседании Президиума ЦК: о чем шла там речь, кто и как себя вел, какое решение хотели принять и как был дан отпор. После него слово дали Молотову. Он кратко изложил позицию “семерки”.

Затем пошло обсуждение. Все мы, участники заседания, поддержавшие Хрущева, высказали свое мнение. С той стороны выступили Ворошилов, Сабуров, Булганин, Первухин. Изложив свою вчерашнюю позицию, сегодня они признали ее ошибочной. Члены ЦК, один за другим – по существу почти все, – выступая, называли их заговорщиками, карьеристами, пытавшимися произвести переворот. Позже других выступил Маленков, тоже с самокритикой.

29 июня на утреннем заседании Пленум дал оценку действиям “семерки” и принял решение. Зачитал его Суслов. За его принятие голосовали все участники Пленума, включая шестерых из семи членов “группы”. Только один Молотов воздержался от голосования.

Что же записали в решение?

В преамбуле было сказано, что Маленков, Каганович, Молотов создали антипартийную группу, изложили суть их позиции. Из Президиума и ЦК вывели Молотова, Маленкова, Кагановича и Шепилова. Сабуров был выведен из состава Президиума, но остался членом ЦК и на своем посту. Первухина перевели из членов Президиума в кандидаты. На Пленуме договорились воздержаться от упоминания в “группе” Ворошилова, Булганина и других, принимая во внимание, что Ворошилов являлся Председателем Президиума Верховного Совета, а Булганин – Председателем Совета Министров страны.

На этом Пленум закончился, но потребовалось еще четыре дня, чтобы окончательно отредактировать постановление, опубликованное потом в печати. Мы разъехались».

Пленум завершил свою работу вечером в субботу, 29 июня 1957 года.

5 – 6 июля, когда ситуация в Москве успокоилась, провели повторное празднование 250-летия Ленинграда. И провели по первому разряду, с участием не только Козлова, но и Хрущева, Булганина, Ворошилова, Фурцевой и только что избранного в Президиум ЦК представителя старой гвардии Отто Вильмовича Куусинена.

На митинге в Ленинграде отец отвел душу, сказал о своих, теперь уже бывших оппонентах все, что думал.

Напомню, что все описанные выше баталии прошли мимо моего сознания. Когда я субботним вечером 22 июня приехал из Загорска на выходные, все уже встало на свои места. В воскресенье отец вел себя, как обычно: гулял, затем сел на весла и катался по Москвереке, после обеда читал бумаги.

Моя практика окончилась 29 июня одновременно с завершением Пленума ЦК. Домой я вернулся, все еще пребывая в полном неведении. Никаких официальных сообщений о Пленуме пока не публиковалось. Отец мне тоже ничего не рассказал. О происшедшем узнал я

только в среду, 3 июля, из газет. Почему-то мне запомнилось солнечное летнее утро. Только что на дачу привезли почту: разноцветные пакеты, скрепленные сургучными печатями, и газеты. Отец расписался на квитанциях фельдъегерской связи и, сложив бумаги стопками на круглом плетеном столике, сначала принялся за прессу. Я сел рядом и через плечо увидел на первой странице «Правды» официальное сообщение о состоявшемся Пленуме. В конце текста обычно сообщалось, кого избрали, кого убрали. На сей раз перечень фамилий занял целый абзац. Среди исключенных я увидел такие имена... Вожди! К тому же друзья... Не поверил своим глазам. Совсем недавно все сидели за одним столом на моей свадьбе, и вот тебе на! Когда отец работал, его не отрывали. Такой порядок завели давно, и он свято соблюдался. Сегодня я не мог терпеть, засыпал его вопросами. Он в подробности вдаваться не стал, сказал только, что бывшие соратники заняли неправильную позицию, вот Пленуму и пришлось их поправить.

– Они осознали свою неправоту и сами проголосовали за свое осуждение, – в голосе отца проскользнула презрительная нотка. – Один Молотов воздержался.

Единственное, что я узнал от него в то утро: против отца выступили не только четверо упомянутых в газете членов «антипартийной группы»: Маленков, Молотов, Каганович и примкнувший к ним Шепилов, но еще некоторые другие члены Президиума ЦК, в том числе Булганин и Ворошилов.

– Мы решили не называть их фамилий. На Пленуме они покаяться. Происшедшее послужит им хорошим уроком. Да и для внешнего мира так лучше, – закончил отец и погрузился в свои бумаги.

Постепенно противники отца, не названные в официальном сообщении, один за другим покидали Президиум. Одни, как Сабуров и Первухин, раньше, другие задержались чуть подольше.

Июньский Пленум расширил состав Президиума ЦК. Членов стало пятнадцать, а кандидатов – девять. Список формировал отец, естественно, из своих сторонников. Игнатов тоже вошел в состав Президиума.

Участники «антипартийной группы» обреченно и смиренно ждали решения своей судьбы. Не выдержал лишь Каганович, он позвонил отцу.

Об этом телефонном звонке отец вспомнил через несколько лет, на XXII съезде партии. Приведу их диалог по стенограмме, хотя, судя по рассказам отца, разговаривали они проще, без пафоса и напыщенности.

– Товарищ Хрущев! Я тебя знаю много лет. Прошу не допустить, чтобы со мной поступили так, как расправлялись с людьми при Сталине... – взывал к отцу Каганович.

– Товарищ Каганович! Твои слова еще раз подтверждают, какими методами вы собирались действовать для достижения своих гнусных целей. Вы хотели вернуть страну к порядкам, которые существовали при культе личности, вы хотели учинить расправу над людьми. Вы и других меряете на свою мерку. Но вы ошибаетесь. Мы твердо придерживаемся и будем придерживаться ленинских принципов. Вы получите работу, сможете спокойно жить и работать, если будете честно трудиться, как трудятся все советские люди, – парировал отец.

Оставлять своих противников в Москве отец не хотел. У них тут связи, отыщутся если не сторонники, то сочувствующие. Всегда существует опасность, что они начнут плести новую паутину. Правила политической борьбы неумолимы: проигравшего следует изолировать тем или иным образом.

Когда я поинтересовался судьбой членов «антипартийной группы», отец ответил, что им подыскивают работу, но подальше от столицы.

Нужно сказать, что решение отца рассматривалось в те годы всеми как весьма прогрессивное и гуманное. Никого не расстреляли, никого не посадили. Более того, каждого определили с учетом склонностей и, если позволительно сказать, специальности.

Каганович слыл энергичным руководителем широкого профиля, никакой конкретной профессией, кроме сапожной, он не владел. Его отправили на Урал директором Соликамского калийного комбината. Должность немалая.

Маленкова, как бывшего министра энергетики, назначили директором крупной Усть-Каменогорской ГЭС на Иртыше.

Примкнувшего к ним Шепилова определили директором Института экономики Академии наук Киргизии.

Наибольшие трудности возникли с Молотовым. Его решили назначить послом.

Почему-то до сих пор столь важная для укрепления взаимопонимания должность используется если не как ссылка, то как способ без помех избавиться от неугодного высокопоставленного чиновника. Выбрали подходящее государство не из первого десятка, такое, с которым особых дел у нас не предвиделось. Запросили согласие на аккредитацию и получили отказ. Пришлось искать новое место. Опять ничего не получилось: не просто не дали согласия, а попеняли за неуважение – как можно назначить послом человека, которому его собственное правительство не доверяет?

Министр иностранных дел Громыко пришел к отцу за инструкциями. Отец вначале даже рассмеялся: «Так-таки и отказывают?» Сложившаяся ситуация, казалось, его забавляла. Но он тут же посерьезнел.

– Они правильно рассуждают, – выговорил он то ли себе, то ли Громыко, – следовало предвидеть реакцию. На самом деле обидно получить послом человека, о котором заранее известно, что он не только не пользуется в своей стране уважением, но и вообще вряд ли сможет связаться с руководством.

Отец сказал, что подумает. Конечно, не о том, чтобы оставить Молотова в Москве. Он решил попытаться уговорить принять послом Молотова кого-нибудь из руководителей социалистических стран.

Первым делом отец позвонил Новотному в Прагу, ему казалось, что тот согласится. Недавнее сооружение на холме над Влтавой огромного монумента Сталину свидетельствовало об определенных симпатиях в чехословацком руководстве. Однако Новотный категорически отказал. Пришлось стучать в иные двери. И все без результата. В конце концов с трудом удалось уговорить Юмжагийна Цэдэнбала, и только в виде личного одолжения. Вскоре пришел агреман на аккредитацию нового советского посла, и Молотов отправился в Улан-Батор.

В новых политических условиях члены «антипартийной группы» миновали обычное прибежище оппозиционеров – тюрьму и ссылку, но в остальном по отношению к ним действовали по старым привычным канонам. Молотов многие годы состоял в почетных членах Академии наук. Никто не знал, за какие заслуги, но никто и не спрашивал. Сейчас решили его лишить, как вдруг выяснилось, несправедливо полученного высокого звания. Когда доложили отцу, он не возражал.

– Какой он ученый, это все Сталин навыдумывал, – бурчал отец вечером.

Сказано – сделано. Следом за Молотовым изгнали из членов-корреспондентов и Шепилова.

Отец чрезвычайно гордился тем, что впервые в российской истории за политическим сражением не последовало репрессий. А такие предложения раздавались. Он демонстрировал своим противникам и сторонникам новые реалии XX съезда, против которых восстали «молотовцы». «Царствовать должен только закон», – повторял отец.

Гордился отец совершенно заслуженно. В 1957 году он создал прецедент, поломал многовековую российскую традицию, согласно которой проигравший в борьбе за власть обречен на гибель. Так поступал Иван Грозный, так поступали цари до и после него. Припомним казненного Петром царевича Алексея, несчастного младенца Иоанна Антоновича, императора

Петра III, его сына императора Павла. К проигравшим можно причислить и «декабристов», героев и жертв неудавшегося восстания 1825 года, и последнего российского царя Николая II со всем семейством. Все они, так или иначе, проиграли власть, а вместе с ней и жизнь.

Сталин не только избавлялся от реальных конкурентов, вроде Троцкого, но уничтожал без разбора всех, кто только казался ему опасным. Следуя той же традиции, в 1953 году избавились от Берии.

Мне запомнилось, как сын Маленкова Андрей уже в постсоветские времена на вопрос журналиста, как бы его отец и другие «молотовцы» поступили с Хрущевым, без колебаний заявил: «Мы бы их всех на Красной площади за яйца повесили». Ответ прозвучал эмоционально, но он отразил настроения старшего Маленкова, не выходившие за рамки общепринятого в России поведения.

А вот отец отважился поступить иначе, и после 1957 года российская история изменила свой курс, изменилась и сама власть. В 1964 году Брежневу несомненно хотелось физически избавиться от Хрущева, а вместе с ним и от своих, связанных с планируемым переворотом, страхов, но у него ничего не вышло. Председатель КГБ Семичастный, судя по его воспоминаниям, попросту отказался, а Брежнев не решился настоять.

После государственного переворота осенью 1993 года Борису Ельцину, вопреки собственному естеству, пришлось смириться с решением Генерального прокурора, освободившего из-под ареста ненавистных ему вице-президента Александра Руцкого и спикера палаты Руслана Хасбулатова.

О более позднем времени я и не говорю. Возврат к старому стал невозможен, и все благодаря прецеденту 1957 года!

Итак, в июне 1957 года отец, казалось бы, одержал окончательную победу. В Президиуме ЦК, в руководстве страной у него не осталось ни противников, ни соперников. Казалось бы...

На самом деле в июне 1957 года сложилось совершенно новое соотношение сил. Впервые за многие годы аппарат, а именно из его представителей всегда комплектовался Центральный комитет, из статиста превратился в активное действующее лицо. Теперь он определял расстановку сил, в том числе на самом верху, в Президиуме ЦК. Без сомнения, и раньше никто, включая Сталина, не мог действовать, не учитывая интересов этой могущественной прослойки. Но тогда над ЦК и всей страной довлело таинство власти. Сейчас все упростилось. Окутанные до сего часа ореолом недостижимости члены Президиума ЦК спустились в зал, оказались обычными людьми. Их можно поддержать, а можно им и отказать. Так проявился, возможно, один из существенных уроков XX съезда. Постепенно аппарат набирал силу, реальная власть все больше перетекала в среднее звено.

Мне запомнился один очень характерный разговор с Игнатовым. Как-то осенью, наверное, в 1958-м, на дачу к нам заехала большая компания. В Кремле что-то недообсудили... Отправились на прогулку. Впереди шел отец. Я замыкал процессию.

Почему-то рядом со мной оказался Игнатов. Он только обжился в Москве, и я его едва знал. Некоторое время шли молча. Потом Игнатов стал что-то говорить о том, что они отца в обиду не дадут, волноваться нечего, а «этим» они показали...

Я сначала не очень разобрался, о чем идет речь. Разговор я не поддержал, просто не знал, что ответить. Игнатов произнес еще несколько фраз и двинулся вперед к основной группе. Я, наверное, не запомнил бы этих слов, если бы не поразивший меня покровительственный тон по отношению к отцу.

Воистину начиналась эпоха аппарата. Из 1957 года она протянулась к октябрю 1964-го и дальше – в эпоху расцвета аппаратного правления, которую мы справедливо называем застоём. Справедливо, потому что с воцарением аппарата наступила пора безудержного роста энтропии, хаоса. Никто не пытался его сдерживать, наводить порядок, каждый тянул

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

в свою сторону, каждый преследовал свои, сначала ведомственные, затем и просто личные интересы. Власть постепенно распадалась и, в какой-то момент центр ее окончательно утратил силу. Хаос возобладал, энтропия одержала победу над организацией, над порядком. Но в 1957 году так далеко никто не заглядывал.